

Энтони Гидденс

ДЕВЯТЬ ТЕЗИСОВ О БУДУЩЕМ СОЦИОЛОГИИ*

Anthony Giddens. Nine Theses on the Future of Sociology.

In: A. Giddens. Social Theory and Modern Sociology.

Cambridge: Polity Press, 1987, ch.2, p.22–51.

© Anthony Giddens, 1987

Перевод к.ф.н. Е.В.Якимовой

В последнее время в некоторых кругах неслучайно отзываются о социологии. И это неудивительно, поскольку речь идет о дисциплине, на долю которой, в конечном счете, выпало, наверное, больше упреков, чем она того заслуживала. Социология – при условии, что ею занимаются надлежащим образом, – обречена в некотором отношении всегда оставаться наукой, вносящей сумятицу в умы. Она не годится для повторения предрассудкам, которые интуитивно защищают люди, не склонные к размышлению. Однако определенную долю скептицизма в отношении социологии высказывают те, кто имеет к ней непосредственное отношение и потому сознает, что социология не оправдала ожиданий, провозглашенных ее лидерами прошлого поколения. Сейчас многим кажется, что еще 10–15 лет назад в социологии все обстояло благополучно, но с тех пор дисциплина явно сбилась с пути. Если выдающиеся социологи прошлого шли в авангарде развития интеллектуальной культуры вообще, то сегодня складывается впечатление, что социология переместилась на задворки социальной науки. Положение поистине незавидное, если сопоставить его с заявлениями некоторых пионеров дисциплины, предполагавших, что социология станет центральной социальной наукой и объединит вокруг себя всех тех, кто занимается изучением человека и его творений.

Разумеется, это чувство разочарования, более или менее глубокое, в определенной мере есть отражение тех не вполне благоприятных материальных обстоятельств, в которых оказалось сегодня большинство работающих в социологии. Именно в тот момент, когда, казалось бы, крайне необходимы новаторские социальные исследования – в обстановке глобального спада и далеко идущих социальных и культурных изменений, в условиях кризиса институтов социального благосостояния в западных странах, – в этот момент во многих университетах мира уменьшается приток свежих сил в социологию, сокращается финансирование эмпирических разработок. И хотя в других социальных науках дело обстоит не лучше, социология в буквальном смысле слова превращается в дисциплину, которую преподают седовласые мужи преклонного возраста. Выстроившись в боевом порядке, они олице-

* В основу данной статьи положена лекция, прочитанная автором на пленарном заседании собрания Социологической ассоциации восточных штатов в Нью-Йорке в апреле 1986 г. (Прим. ред.)

творяют собой наследников канувшего в Лету широкого наступления социологии по всему университетскому фронту. Если к этим обстоятельствам присовокупить еще и интеллектуальный упадок социологии, то ее перспективы окажутся поистине удручающими.

Следует ли в таком случае тем из нас, кто называет себя социологами, предаваться тоске и унынию? Я думаю, нет. Я полагаю, что, несмотря на реальность нынешних материальных тягот, выпавших на долю социологии во многих странах, ее интеллектуальный закат реальностью не является. Рассуждения о том, что социология впала в ересь, с моей точки зрения, суть результат неверной интерпретации развития социальных наук в последние годы – интерпретации, которая почти противоположна тому, что происходило на самом деле.

Во-первых, произошло и продолжает происходить проникновение социологического мышления и социологического видения в контекст тех социальных дисциплин, которые до сих пор держались в стороне. Влияние социологии, последствия которого до конца еще не ясны, можно сегодня проследить в таких областях, как история, философия, политология, социальная география, международные отношения, а также в других сферах научного знания. Особо следует отметить социальную антропологию. Хотя в рамках университетской структуры факультетов эта дисциплина нередко существует отдельно от социологии, их интеллектуальное сближение, провозглашенное много лет назад, в последнее время продвигается особенно быстро. Разумеется, процесс интеллектуального движения, который сближает социологию с прочими науками, нельзя назвать односторонним. Социология в равной мере выигрывает от этих контактов и обогащает их.

В качестве примера, выбранного более или менее произвольно, можно было бы указать на развитие исследований, посвященных семье. В данном случае использование социологических идей, а также методов, заимствованных как из социологии, так и из социальной антропологии, способствовало возникновению, по существу, новой субдисциплины в рамках социальной истории; кроме того, второе дыхание обрели уже существовавшие ранее интерпретации. Сегодня мы знаем о семье несравнимо больше, чем раньше. Мы были вынуждены подвергнуть радикальной переоценке свое понимание природы нынешних семейных институтов под воздействием более систематического и более адекватного проникновения в их прошлое. Изучение семьи, которое было принято считать скучнейшим занятием, оказалось одним из самых увлекательных и захватывающих предприятий.

Во-вторых, заметно оживило и обогатило социологию ее обращение к ряду социальных движений, которые как бы бросали вызов ее интерпретаторским возможностям. Хотя некоторые из этих движений уже имеют долгую историю, в настоящий момент они вновь приобрели особую важность. Я имею в виду, прежде всего, женское движение, экологическое движение и движение за мир. Конечно, эти процессы имеют разную форму в разных странах и регионах, поэтому одна из задач, которую они ставят перед социологией, состоит в том, чтобы объяснить, как и почему эти движения развивались именно так, а не иначе. Вместе с тем современные социальные движения помогают выявить существенные недостатки в сложившейся структуре социологи-

ческого мышления. Несомненно, например, что за последние два десятилетия влияние женского движения весьма плодотворно сказалось как на содержании социологии, так и на ее понятийном аппарате. Если это нуждается в иллюстрации, можно еще раз обратиться к исследованию семьи. Женское движение убедительно подтвердило правомерность анализа семейных институтов и в то же время показало, что изучение семьи и осмысление феномена пола – это далеко не одно и то же.

В-третьих, с перечисленными выше процессами связана и эволюция нашего понимания самой социологической работы. Именно в тот период, когда могло показаться, что звезда социологии закатилась, произошла трансформация ее методологии. На протяжении ряда лет обрушиваться с яростными нападками на прежние способы социологического мышления было более легким делом, чем выявлять плодотворность их результатов. В период господства в социологии симбиоза натурализма и функционализма (который в одной из своих работ я назвал «ортодоксальным консенсусом») создавалось впечатление, что в рамках дисциплины существует, как минимум, всеобщая согласованность позиций. Нарушение «консенсуса» сопровождалось появлением большого числа теоретических школ, каждая из которых была занята тем, что действовала вразрез с другими. Я думаю, что этот период в любом случае уже позади. Хотя профессиональное единство мнений относительно теории и методов в целом не свойственно социологам (по причинам, о которых я скажу позже), сегодня намечаются некоторые точки соприкосновения, связанные с поиском наилучших способов понимания социальной жизни и социальных институтов. По окончании нынешних дебатов социология, бесспорно, станет гораздо более искушенной наукой, чем в их начале.

Упомянутые процессы не могли не повлиять на жесткую однозначность той демаркационной линии, которая многим представлялась необходимой границей, отделяющей социологию от родственных ей дисциплин. Некоторым нравилось связывать «особенность» социологии с ее специфическим аппаратом объяснения, которых, как считалось, не располагает никакая другая социальная наука. При этом предполагалось, что отличительная черта социологической позиции состоит в наглядном доказательстве того факта, что наша деятельность в основном детерминирована социальными воздействиями, а не нашей волей (хотя мы можем этого и не осознавать). Изменения в социальной теории, о которых я только что говорил, свели на нет эту точку зрения. Другие видели специфику социологии в ее преимущественном интересе к такому особому объекту, как «общество». Справедливость данного наблюдения также вызывает сомнения. Несмотря на то что термин «общество» постоянно фигурирует в рассуждениях социологов, он по большей мере остается неисследованным. В современном мире «общество» – это национальное государство, которое связано с другими национальными государствами в единую мировую систему (см.: Giddens, 1985). Какие бы наилучшие способы концептуализации национального государства мы ни придумывали, в любом случае ясно, что оно представляет собой территориальное и политическое образование, которое не может составлять компетенцию какой-либо одной дисциплины, будь то социология, политическая наука или экономика.

Мы должны признать, что сохранение в социологии абсолютной четкости ее границ и «неприкосновенности владений» не только невоз-

можно, но и нежелательно. Эта «четкость» была достойна доверия только во времена альянса натурализма и функционализма. Тогда можно было утверждать, что, с одной стороны, «научность» социологии отличает ее от всех гуманитарных наук, а с другой – что объект ее изучения, – «общество», – будучи четко очерченным единым образованием, ясно определяет предмет этой дисциплины. С моей же точки зрения, занятия социологией предполагают концентрацию профессионального внимания на тех институтах и жизненных стилях, которые обязаны своим существованием «современности», то есть широкому спектру разнообразных социальных изменений по преимуществу европейского происхождения, принявших сегодня глобальный характер и ответственных за создание нынешних институтов. Социология, конечно, обладает некоторым набором понятий и теорий, которые, по всей вероятности, составляют ее исключительную прерогативу, но в методологическом отношении она далеко не так прочно изолирована от остальных социальных и гуманитарных наук, как многие были склонны считать. До сих пор мои наблюдения касались прошлого социологии и ее настоящего. Между тем в данной дискуссии от меня ждут оценки ее вероятного будущего. Из моих предшествующих замечаний можно сделать вывод, что социология переживает сегодня период весьма радикальных изменений, многие из которых, на мой взгляд, будут иметь продолжение. Однако маловероятно, что будущее социологии окажется чистой экстраполяцией тенденций, заложенных в настоящем; социологи должны это знать лучше, чем кто бы то ни было. Строить догадки относительно будущего – дело рискованное, и поэтому я не буду заниматься долгосрочными прогнозами. Я собираюсь поговорить о том, что, по всей вероятности, ждет нас в ближайшие 10 лет или около того. Со временем эти прогнозы потребуют дополнений. При обсуждении темы, вынесенной в название статьи, невозможно удержаться от соблазна выдать желаемые перемены в социологии за самые достоверные ее перспективы. Поэтому в последующих рассуждениях я довольно бесцеремонно собираюсь обрисовать именно те направления в развитии дисциплины, которые я считаю для нее наиболее полезными. Мои замечания – это скромная попытка повлиять на будущее социологии и набросать «демографический проект» ее общего облика в ближайшие годы. Я хочу предложить девять тезисов о будущем социологии, которые частично станут развитием соображений, изложенных выше.

1. СОЦИОЛОГИЯ ПОСТЕПЕННО УТРАТИТ СОЦИАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПРИВКУС МИНУВШЕГО СТОЛЕТИЯ

Социология теснейшим образом связана с «проектом современности». Это составляло и будет составлять суть ее самостоятельных раздумий. Однако общепринятые способы, к которым мы прибегаем, надеясь понять траектории развития современного общества, в значительной степени обусловлены – и ограничены – социально-теоретическим контекстом их формирования в Европе XIX – начала XX столетия. «Классическая социальная теория» продолжает удерживать позиции и вне первоначальных условий своего возникновения. Девятнадцатый век был ключевым в интеллектуальном развитии социоло-

гии. Появление первых узнаваемых признаков дисциплины можно отнести и к более раннему периоду, но только в XX в. социология получила наивысшее признание. Тем не менее на протяжении всего нынешнего столетия она сохраняла отпечаток той интеллектуальной ситуации, в которой впервые обозначались ее общие контуры.

«Пережитки прошлого» в социологии крайне разнообразны, и я прослежу только некоторые из них. Так, широкое распространение и значительное влияние, сказавшееся на последующем развитии дисциплины, получил такой аспект ее социально-политического наследия, как признание экономических факторов в качестве движущей силы современного мирового развития. Экономические силы вызывают инфраструктурные сдвиги, которые влекут за собой изменения в других социальных институтах. Самый давний спор в социологической науке касается вопроса о том, является ли современный мир следствием *капиталистической экспансии* или же результатом распространения *индустриализма*. Одна группа теорий, к которой, в частности, относятся марксизм и неомарксизм, по существу, отождествляет современность с капитализмом. Утверждается, что капиталистические институты обеспечивают поступательный ход современной истории, в основе которого лежит тенденция капиталистического предпринимательства к экспансии в мировом масштабе. Для сторонников данной позиции индустриализм есть просто продолжение капитализма. Капитализм предшествует зарождению индустриализма, последний же расценивается как результат давления капиталистических экономических механизмов, требующих максимального увеличения производства. Те же, кто считает ведущим фактором формирования современных институтов индустриализм, занимают обратную позицию. С их точки зрения, мы живем в индустриальном (а сегодня, видимо, уже в пост-индустриальном) обществе; капитализм же – это всего лишь организация индустриализма, к тому же он образует специфический и относительно краткий исторический период.

Участники данного спора являются заложниками общего для них типа аргументации, отмеченного печатью социологического стиля мышления минувшего столетия. По всей вероятности, содержание этой полемики неадекватно даже в ее собственных терминах. Вместо того чтобы сводить индустриализм к капитализму или наоборот, следовало бы признать, что и тот и другой влияют на современное развитие более или менее самостоятельно и независимо друг от друга. Но еще важнее для нас вовсе отказаться от экономического редукционизма, который, невзирая на его утонченную форму, явно присутствует в каждом из названных подходов. Современность – гораздо более сложное понятие, чем допускает любая из сторон, и социология будущего непременно увидит эту сложность. К воздействию капитализма и индустриализма мы должны прибавить по крайней мере еще три главных параметра современности (Giddens, 1985, ch.3). Один из них – это развитие административной власти, блестяще исследованное Фуко (Foucault, 1977). Как я уже говорил, то, что социология подразумевает под «обществом», является одновременно и государством. Усиление административной власти государства, включая, в особенности, использование информационных ресурсов, составляет одну из самых характерных черт современной эпохи. Современные государства и мировая система в целом

предполагают громадное ускорение процессов производства и организации информации. Хотя считается, что только сейчас, на исходе XX столетия, мы выступаем в информационную эру, современное общество с самого начала было «обществом информационным».

Следующее изменение современности, которое по большей части осталось незамеченным в социологической традиции, причем по причинам, которые опять-таки уходят своими корнями в минувший век, связано с войной и военной властью.

Не вызывает сомнений тот очевидный факт, что формирование современных государств самым непосредственным образом было связано с военной властью и войнами, в которых эти государства участвовали. Однако это обстоятельство, как правило, оставалось за пределами основного содержания социологического мышления и исследований (так же обстояло дело и в других социальных науках, кроме теории международных отношений). И вновь социология XX в. подхватила идею, имевшую широкое хождение среди социальных мыслителей предшествующего столетия. С их точки зрения, капитализм (или индустриализм) должен был прийти на смену военным обществам прошлого. Военная власть, таким образом, ассоциировалась не с современными, а с традиционными обществами; экономические же преобразования, которые формируют современность, мыслились как мирные. Иначе говоря, предполагалось, что экономические обменные операции, которые приведут к взаимной зависимости партнеров, заменят милитаристские общества прежних эпох. Тем не менее в некоторых важнейших отношениях это оказалось вовсе не само собой разумеющимся; значение военной власти и вооруженного насилия в современном мире по-прежнему очевидно для всех, за исключением разве что социальных теоретиков. Сказанное может быть резюмировано в одной короткой, но впечатляющей фразе. Распад традиционного мира под натиском современности не является следствием капитализма или индустриализма или даже концентрации административных ресурсов в руках государства; он представляет собой совокупный итог всех этих процессов в сочетании с современными способами использования военной силы и ведения войны.

Наконец, существует и такая непростая вещь, как культурное изменение современности. Анализ этого измерения в том или ином виде давно занимал социологов. Появление своей собственной дисциплины они рассматривали как отражение усиливающегося «рационализма» и «расколдовывания мира» на фоне секуляризации общества. Но видимо, нелишне еще раз напомнить, что культура современности понималась все же преимущественно как отражение капитализма или индустриализма. Даже Макс Вебер, пытавшийся заявить о независимости «идей», сконцентрировал внимание на тех условиях, которые дали толчок развитию капитализма, вместо того, чтобы наделить постоянной ролью частично автономную современную культуру (Вебер, 1990). Нынешние споры по поводу явления, которое некоторые именуют «постсовременностью», следует, вероятно, расценивать как первый шаг в реализации честолюбивого замысла набросать теоретическую схему культурного универсума, возникающего в результате окончательного распада традиционного мира. Как минимум, в этой полемике по меньшей мере нашло свое выражение стойкое ощущение несостоятельности сложившихся способов культурологического анализа.

Борьба за освобождение от теоретических оков минувшего столетия подразумевает отказ от убеждения, что фокус социологических интересов составляют непрекращающиеся споры с марксизмом. В той мере, в какой это убеждение отражает нынешнее положение дел в социологии, оно лишней раз доказывает ограниченность принятых интерпретаций современности, о чем уже говорилось. Марксизм обладает такой жизнестойкостью, которая позволила его разнообразным ипостасям благополучно сохраняться, несмотря на многократное провозглашение их кончины. Но социология будущего не будет более поглощена изучением организующих принципов марксизма. Если же это все-таки случится, диапазон оценок современности, доступный социологическому воображению, окажется гораздо беднее, чем ему следовало бы быть.

2. ВОЗНИКНЕТ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ, КОТОРЫЙ ВНОВЬ ПРИДАСТ СВЯЗНОСТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИМ ДИСКУССИЯМ

Идея унификации теоретического языка социологии отнюдь не нова; она с самого начала в той или иной степени совпадала с исходными мотивами развития социологии. Эта идея непосредственным образом вытекает из предпосылок натурализма, поскольку принято считать, что различные естественные науки обладают концептуальным единством. Если контовская классификация наук с социологией как ее вершиной служила наиболее ярким выражением данной идеи в XIX в., то в XX в. самым влиятельным ее защитником в англоязычном мире стал Толкотт Парсонс. Несмотря на внимание Парсонса к «волюнтаризму» человеческих действий, нетрудно заметить, что упомянутый выше альянс натурализма и функционализма получил в его системе наилучшую разработку. Парсонс явно стремился создать единый концептуальный язык не только для социологии, но и для всех прочих социальных наук. Модель классической механики, вдохновлявшую и Конта, он избрал в качестве директивы, которой социология должна следовать в своем развитии.

Распад «ортодоксального консенсуса» – в парсоновском или других, менее изысканных его вариантах – открыл дорогу разногласиям теоретических школ, о которой я говорил. В целом можно, видимо, сказать, что теоретические школы в большинстве своем стремились подчеркнуть субъективные аспекты человеческого поведения. Их сторонники выступали против преувеличенного, на их взгляд, представления о власти социальных институтов над поведением индивидуального агента. Однако подобная реакция ни в коей мере не была всеобщей. Так, структуралистская «децентрация субъекта» даже в крайней форме, предложенной Альтюссером, находила своих приверженцев. И все же общим для соперничающих версий социальной теории было неприятие той позиции, которую они расценивали как неоправданный социологический детерминизм.

Среди социальных мыслителей всегда находились такие, кто видел в создании для социологии единых теоретических рамок *sine qua non* ее научной репутации. Однако были и другие, иногда только что расставшиеся с первой точкой зрения, новообращенные энтузиасты, которые громко приветствовали множество новых теоретических подхо-

дов. Под влиянием философии естествознания Фейерабенда или независимо от нее они стремились доказать желательность теоретического плюрализма. Поскольку сама социальная реальность многогранна, подчеркивали они, утверждение в социологии какой-либо одной теоретической позиции свидетельствовало бы об авторитарном подавлении всех конкурирующих с ней идей (Фейерабэнд, 1986 [1975]). Единое видение социальной реальности возможно только в условиях тоталитаризма. В обществе же, где процветает неоднородность взглядов и жизненных стилей, социология (и прочие социальные науки) будет отличаться разнообразием.

К этой позиции следует относиться серьезно. Представление, будто в социологии существует прямой путь к «построению теории», который приведет к теоретическому консенсусу, без сомнения, неадекватно. Это еще одна жертва исчезающих натуралистических концепций социологии. Социология не является (и не может являться) совокупностью исследований и теорий, которые создаются и существуют изолированно от своего «предмета» – социального поведения людей. В естествознании присутствует только одна «герменевтика». Ученые разрабатывают теории относительно «данного» мира вне зависимости от того, в какой мере техническое воплощение их теорий позволяет изменять этот мир и контролировать его. Социальные науки оперируют в пределах двойной герменевтики, которая подразумевает двусторонние связи с исследуемыми действиями и институтами. Точность описания социальных процессов социологом-наблюдателем зависит от непрофессиональных концепций и понятий. В то же время агенты постоянно ассимилируют в своем поведении теории и понятия социальной науки, тем самым потенциально изменяя его характер. Это привносит нестабильность в процесс социологического теоретизирования, что, в свою очередь, неизбежно отдаляет этот процесс от той «совокупной и неоспоримой» модели, которую имели в виду натуралистически ориентированные социологи. На это еще не все. Социальный мир – это мир, полный внутренней борьбы, мир, который пронизан разногласиями действующих в нем индивидов и групп, чьи мировоззрения различны, а интересы противоположны. Конституирующий характер связей между социальным миром и социальными науками с неизбежностью означает, что эти разногласия жестко задают ту теоретическую перспективу, которую избирает для себя социолог-наблюдатель (и это не только вопрос недостатка «объективности»). Если к сказанному добавить традиционные трудности эмпирической проверки социологических теорий (репродукция и контроль за переменными и т.п.), мы, без сомнения, должны скептически относиться к попыткам добиться профессиональной согласованности социологических теорий и понятий.

Однако это вовсе не означает, что единственной альтернативой такой согласованности является намеренное культивирование разнородных теоретических позиций. Различающиеся теоретические подходы можно сравнить с точки зрения их плодотворности и точности, а ценность разных теорий всегда можно определить с помощью эмпирических наблюдений. Умножение числа теоретических традиций, имевшее место прежде, было реакцией на упадок «ортодоксального консенсуса», поэтому маловероятно, что этот процесс в таком экстремальном его

выражении станет постоянным спутником социологии в ближайшие годы. Как я уже говорил, мы выходим из этой фазы. Миновало то время, когда казалось, что приверженцы противоборствующих теоретических школ обитают в герметически закрытых, изолированных друг от друга мирах. Новый синтез, весьма вероятно, будет отличаться от прежнего не только в содержательном отношении; его особенностью станет признание того факта, что ключевые аспекты интерпретации социальной жизни, видимо, в любой момент могут стать предметом полемики. Тем не менее частичное «прекращение прений» будет, без сомнения, воспринято сегодня большинством социологов как желательное и своевременное. К настоящему моменту уже достаточно ясно, как именно будет выглядеть современный синтез. Отказавшись от натурализма, социологи убедятся, что их дисциплина не тождественна чисто «интерпретаторской» деятельности, но подразумевает объяснение социальной жизни, отличное от ее толкования самими социальными субъектами. Обоснованием социологических обобщений будет тщательное эмпирическое наблюдение; однако эти обобщения в принципе могут видоизменяться, когда окажутся вплетенными в ткань социальной жизни. Новый синтез откажется от всех форм объяснений, которые допускают, что человеческое поведение есть в прямом смысле следствие социальных причин (такой смысл принимал детерминизм в социальных науках). В то же время этот синтез признает важное значение факторов институционального принуждения и тех параметров, которые влияют как на условия, так и на результат индивидуального действия. Все это изменит «самовосприятие» социологии, поскольку формирующаяся сегодня новая позиция основывается на связях между социальной наукой и предметом ее изучения. Социологические понятия, теории и открытия вплетаются в социальную жизнь и вычлениваются из нее. При этом они не образуют постоянно прирастающего корпуса знания.

3. ГЛАВНЫЙ ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА БУДЕТ СУЩЕСТВЕННО ПЕРЕОСМЫСЛЕН

Социологи традиционно считали предметом своей дисциплины изучение «общества». Термин «общество» не является однозначным. Под «обществом» может подразумеваться «социальное объединение», или «социальное взаимодействие» вообще, либо какая-то четко отграниченная социальная система во всей ее полноте. Хотя социологи иной раз намеренно используют эту двусмысленность, все же, говоря об «обществе», они преимущественно имеют в виду последнее. Это касается всех жанров социологического теоретизирования, несмотря на то что в одном случае речь идет, например, о функционально интегрированной системе, а в другом – о внутренне расчлененной «общественной формации».

Рассмотрение «общества» в качестве главного предмета социологии имеет несколько следствий. Во-первых, это представление стимулирует преимущественный интерес к эндогенным моделям социального изменения. Здесь я имею в виду такие социологические концепции, которые предполагают, что исходные побудительные импульсы социальной трансформации проистекают «изнутри» общества. Общества обладают своей «логикой», которая движет их в определенных направлениях, де-

терминированных собственными структурными возможностями этих обществ. Ограниченность такой позиции очевидна. Все типы социальных систем, начиная от малых дописьменных культур и аграрных государств и кончая современными социальными образованиями, всегда существуют в контексте интерсоциальных систем, который самым серьезным образом влияет на их природу и траектории развития. Во-вторых, утверждение о том, что главный объект социологии – это определенные четко выделяемые «общества», плохо согласуется с характером дописьменных культур и аграрных государств прежних эпох, то есть тех «обществ», с которыми была связана большая часть исторической жизни человечества. Аграрные государства, как правило, отличались крайней сегментарностью и внутренней гетерогенностью; они не обладали пределами в современном смысле слова, а скорее имели размытые, подвижные «рубежи». Что же касается дописьменных культур, то для большинства из них – вопреки антропологической традиции, отождествляющей «общество» с ограниченной локальной общиной, – крайне трудно определить, где кончается одна культурная единица и начинается другая.

Как я уже говорил, когда социологи рассуждают об «обществе», они обычно ссылаются на современные национальные государства. Национальные государства действительно имеют четкие пределы, которым соответствует административная сфера государственного аппарата. Они действительно представляют собой более или менее целостные, интегрированные системы и нередко обладают достаточно однородной культурной идентичностью, отличающей их от окружающих государств. Однако, несмотря на то что обычно именно в таком толковании «общество» рассматривается как фокус социологического анализа, национальные государства до сих пор не получили удовлетворительного теоретического осмысления в социологическом дискурсе. Как следует из самого термина, национальные государства конституируются политически, кроме того, они являются территориальными образованиями, идентичность которых обусловлена не только собственными внутренними процессами, но и их причастностью к системе национальных государств. Специфическое разделение труда внутри социальных наук, где политология монополизировала анализ механизмов государственного управления, а теория международных отношений – изучение внешних условий существования государств, частично объясняет неумение социологии концептуализировать те факты, которые и делают изучаемое ею общество «обществом».

Наконец, современные национальные государства, отличаясь в некоторых отношениях гораздо большим внутренним единством по сравнению с предшествующими формами социального порядка, все же значительно более регионализированы, чем это принято считать. Этнические различия с давних пор интересовали социологию, но до последнего времени она обходила своим вниманием внутреннюю региональную дифференциацию национальных государств, связанную, например, с размещением производства, классовой структурой и прочими принципами социальной организации. «Системность» современных обществ нередко в большей степени детерминирована государственно-административными мерами их унификации, нежели инфраструктурой социального порядка. Более того, формы региональной дифференциации и социально-культурные отношения и связи, которые разнообразят отдельные общества изнутри, не замыкаются в пределах их госу-

дарственных границ. Этот факт признают специалисты-международники, когда рассуждают о роли «народной дипломатии» и «межправительственных организаций» в современных условиях. Однако до сих пор он почти не фигурировал в социологическом анализе.

Все это меняет наше представление о том, как социология должна изучать «общество». Социологи, без сомнения, должны серьезно отнестись к геополитическим факторам, которые влияют на интересующие их типы социальной организации и социальных изменений. Мы должны будем в большей степени, чем прежде, сосредоточить свои усилия на теоретическом осмыслении национальных государств и системы национальных государств. Нам, кроме того, надо будет обратить более пристальное внимание на процесс внутренней регионализации даже самых непротиворечивых из современных государств, а также взаимосвязи этого процесса с теми формами социальной организации и социальных связей, которые выходят за национально-государственные рамки.

4. СОЦИОЛОГИЯ БУДЕТ УДЕЛЯТЬ БОЛЬШЕЕ ВНИМАНИЕ ИЗУЧЕНИЮ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ, ЧЕМ ДО СИХ ПОР

Включенность отдельных обществ и культур в различные межсоциальные системы – это факт, который всегда имел гораздо большее значение, чем склонны признавать социологи. Право преимущественного изучения крупномасштабных географических связей было предоставлено историкам типа Тойнби и Броделя (хотя в их работах крупные «общества»-цивилизации нередко просто-напросто подменяли более мелкими социальными единицами, изучением которых занимались другие) (Toynbee, 1962; Braudel, 1949, 1969). Усиливающаяся взаимозависимость компонентов современного мира не тождественна связям, существовавшим внутри традиционных цивилизаций, так как сфера влияния последних ограничивалась определенными ареалами земного шара. Сегодня же многие отношения, связывающие отдельные государства, носят поистине глобальный характер. Все это, конечно, само собой разумеющиеся вещи, о которых не стоило бы говорить, если бы социология, отгородившаяся дисциплинарными барьерами от теории международных отношений и поглощенная «эндогенными» социальными моделями, по-прежнему не игнорировала бы это очевидное обстоятельство.

Некоторые социологические традиции, в особенности марксизм, уже давно подчеркивают экспансионистский характер западного способа производства и западной культуры. Они делают упор на то, что особенности «менее развитых» регионов земного шара частично обусловлены распространением господства западного капитализма. В этой связи марксизм менее рьяно, чем другие социологические школы, доказывал первостепенную роль общества (общественной формации) как средоточия социологического исследования. Совсем недавно на арене социальной мысли появилось новое направление (прямо отождествляемое с марксистской позицией, но не избежавшее сильного влияния Броделя), где изучение мировой системы однозначно выдвигается на первый план. Это работы Уоллерстайна и его последователей (Wallerstein, 1979).

Ценность исследования Уоллерстайна состоит как раз в том, что его автор решительно порывает с той эндогенно ориентированной сконцентрированностью на внутреннем развитии «обществ», которой охвачена большая часть социологии. Но к сожалению, изучение «мировой системы» в настоящий момент отождествляется исключительно с работами Уоллерстайна. Плачевный результат такого отождествления – возрождение былого противопоставления теории международных отношений, вместе с ее объектом, остальным социальным наукам. Кроме того, способы, какими Уоллерстайн формулирует понятие мировой системы и изучает ее эмпирически, совершенно неудовлетворительны. Выступая против концепций эндогенного изменения, он ударяется в противоположную крайность. Мировая система даже в исходных своих формах предстает столь же целостной и всеохватной, какковыми сплошь и рядом оказываются отдельные общества в зарисовках социологов. Уоллерстайн склонен неизменно приписывать воздействию мировой системы все процессы, которые происходят в пределах отдельных государств и даже в метрополии западного капитализма. Более того, в его работах находит продолжение то «редукционистское» толкование современности, с которым давно следует расстаться. Все и вся рассматривается здесь как результат глобального распространения капиталистических отношений; на экономических же факторах зиждется и то структурирование мировой системы, включающей центр, периферию и периферию, которое предлагает Уоллерстайн. Его позиция, так же как и позиция традиционных социологических школ, не дает адекватного ответа на вопрос, почему вообще существуют отдельные «общества» как дискретные национальные государства.

Одна из важных проблем, которая в будущем должна привлечь к себе внимание социологов, заключается как раз в установлении того, в чем же состоит «системность» мировой системы. Не только в работах Уоллерстайна, но и вообще в социологии под социальной системой обычно понимается набор взаимосвязанных частей, где каждая часть имеет отношения с другой частью в пределах целого. Но очень часто точнее было бы изображать социальные системы в виде сетей, «системность» которых не предполагает их полную внутреннюю взаимосвязанность. Такой подход позволит установить несколько перекрещивающихся, но при этом частично независимых друг от друга наборов связей внутри некоторого целого, которое тем не менее остается «системой». Я лично не сомневаюсь, что сегодня имеет смысл говорить о существовании мировой системы, причем такой, которая имеет достаточно глубокие исторические корни. Но при этом компоненты ее «системности» включают все те измерения, которые я обозначил как главные признаки современности.

Измерения мировой системы, которые ждут своего тщательного анализа и концептуального осмысления, сводятся, как минимум, к следующему. Прежде всего, это возрастающая сложность международного разделения труда, лишающего автономии многие национальные экономики и влияющего, в частности, на глобальные региональные сдвиги в производстве. Расширение капиталистических рынков и деятельность транснациональных корпораций поддерживают этот процесс. На него также влияет гегемонистская позиция Соединенных Штатов, которую эта страна удерживает в мировой экономике на протяжении

всего послевоенного периода. Данная позиция базируется на определенных политических убеждениях, согласно которым свобода международной торговли в общем и целом выгодна тем, кто в ней участвует (Keohane, 1984). Это один, но, разумеется, не единственный аспект взаимодействия между международным разделением труда и распределением власти в глобальной системе национальных государств, являющимся второй главной ее осью. Ее третья ось – это мировой военный порядок, то есть сеть военных союзов и объединений оборонного характера. Хотя военная власть в любом случае тесно связана с уровнем экономического развития, между ними никогда не наблюдается полного соответствия.

Утверждая, что социологи должны будут все больше и больше заниматься мировой системой, я не хочу сказать, что социология охватит всю сферу изучения международных отношений. Должны быть оговорены определенные академические области, которыми занимаются связанные друг с другом социальные науки, образующие в своей совокупности единый корпус социального знания. Для социологов было бы вполне естественно сосредоточить самое пристальное внимание на ключевых аспектах того процесса, посредством которого включение отдельных обществ или типов обществ в мировую систему влияет на траектории их развития. В будущем социологам станет все сложнее игнорировать это влияние как в теоретической, так и в эмпирической работе. Те же, кто все же поступит так, рискуют существенно ослабить или вообще подорвать силу своих идей.

5. ПРЕЖНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ГРАНИЦЫ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ ПОСТЕПЕННО УТРАТЯТ БЫЛУЮ ЧЕТКОСТЬ

Я повторяю, что внутри социальных наук, очевидно, должны существовать особые зоны профессиональных интересов и профессиональной специализации, которые охватывают весь обширный предметный диапазон социального знания. Однако происходящие в последнее время сдвиги в границах между социологией и прочими социальными науками свидетельствуют о некоторых весьма существенных изменениях в интеллектуальной и предметной структуре социального знания. Нынешние дисциплинарные деления внутри социальных наук – в том виде, в каком они получили институциональное закрепление в университетских учебных курсах, – по преимуществу обязаны своим происхождением опять-таки XIX в. Становление социологии в значительной мере протекало в процессе критики политической экономии в обеих ее измерениях – политическом и экономическом. В отношении первого из них социология утвердила свою дисциплинарную идентичность, доказав, что формы правления, или государство, опираются на институциональную инфраструктуру гражданского общества (а по некоторым воззрениям, являются его эпифеноменом). Что же касается экономического измерения, то здесь формирование социологии в качестве самостоятельной науки было связано с демонстрацией тех широких институциональных и нормативных рамок, в которых существуют экономические действия и рыночные отношения. В итоге возник новый объект социального знания (правомерность которого всегда оспаривал мар-

ксизм со своих более «энциклопедических» позиций) – совокупность институтов, образующих систему гражданского общества. «Общество», признанное дисциплинарным фокусом социологии, с тех пор широко понимается как «гражданское общество».

Отношения социологии с историей и с антропологией всегда имели сложный и изменчивый характер. В первом случае специалисты обеих дисциплин в массе своей придерживались единого мнения, что социология занимается общим, а история – особенным, причем первая поглощена днем сегодняшним, а вторая – делами давно минувшими. Это противопоставление двух дисциплин иногда принимало очень острые формы, в особенности в тот период, когда натуралистические версии социологии расценивались как антипод подробного исторического изложения. С некоторыми оговорками можно утверждать, что времена «ортодоксального консенсуса» совпали с самыми жесткими дисциплинарными барьерами между социологией и историей. В некоторых случаях, как, например, во Франции, где историки, занимающиеся самыми длительными периодами, бережно сохраняли и развивали национальные традиции социологической истории, контакты двух дисциплин были очень тесными. Но очень часто социологи, обращаясь к более или менее далекому прошлому, оказывались в плену эволюционизма. Выделение эволюционных этапов развития совсем не обязательно приводит к детальному историческому анализу или пониманию исторической случайности. Если же социологи и отказывались от эволюционизма, они делали это под предлогом развития социологии как обобщающей дисциплины. Ни та ни другая позиция не способствовали сколько-нибудь внимательному отношению к работе историков.

Что касается контактов между социологией и антропологией, то они в одних странах также оказались более тесными и продолжительными, чем в других. В качестве примера снова можно привести Францию, где со времен Дюркгейма связи между двумя дисциплинами были весьма плодотворными, хотя антропология – несмотря на широкую известность Леви-Строса и некоторых других, была здесь менее развита, чем в англоязычном мире. Не требуется особой проницательности, чтобы заметить, что истоки современной антропологии и ее отделение от социологии связаны с колониализмом. Для Великобритании это была деятельность в ее имперских владениях, для Соединенных Штатов – покорение и переселение коренных народов внутри страны. Разумеется, ни социология, ни антропология не были грубо этноцентричны, хотя образование двух самостоятельных предметов, первый из которых ассоциируется с изучением «нас» (то есть белых), а второй – с исследованием «их» (то есть не-белых), создает стимул для развития обеих дисциплин именно в этом направлении. Антропологи очертили контуры исчезающего культурного мира, одновременно показав, как важно сохранить понимание аутентичных стилей человеческого существования во всем их разнообразии.

Дисциплинарные барьеры, установленные однажды, способствовали возникновению жестких структур обучения, влияние которых на интеллектуальную социализацию, видимо, настолько велико, что специалисты, воспитанные каждый в своей мыслительной традиции, с трудом общаются друг с другом. Поэтому не следует недооценивать трудности, связанные с преодолением дисциплинарных различий или изменением су-

ществующей профессиональной организации социальных наук. Вместе с тем упомянутые выше социальные и интеллектуальные сдвиги повлекут за собой серьезные изменения в отношениях между социальными науками, что, по большей мере, явится развитием уже наметившихся тенденций.

Если когда-то имелись интеллектуальные причины для отделения социологии от антропологии, то сегодня они, без сомнения, исчезли. Существование обособленных факультетов в учебной структуре университетов может сохраняться довольно долго, тогда как попытки их объединения, – там, где они будут иметь место – не всегда приведут к успеху. Но если антропология не собирается быть чем-то вроде особой истории культуры, ее научные интересы должны неизбежно совпасть с интересами социологии. Кто может сейчас сказать, какое название лучше подойдет для нового синтеза этих дисциплин, возникновение которого неизбежно? Поскольку слово «социология» с давних пор преимущественно связывается с изучением «развитых» частей мира, ему можно было бы отдать предпочтение. С другой стороны, этот термин в некотором смысле всегда оставался «незаконнорожденным», тогда как «антропология», или изучение человеческих социальных институтов, имеет более благородное происхождение. Что в данном случае не подлежит сомнению, так это обоюдный выигрыш, в котором окажутся обе дисциплины, ассимилируя теоретические традиции и исследовательские методы друг друга. Даже если признать, вслед за Леви-Стросом, что понятия и методы, предназначенные для исследований небольших дописанных культур, должны отличаться от тех, которые используются для изучения более крупных цивилизаций, разделенных на классы, и в особенности современных обществ (Леви-Строс, 1983), несхожесть этих предметов будет тем более продуктивна в плане непосредственного анализа и детализации.

Конечно, нельзя ожидать столь же полного слияния социологии с историей. Если принять во внимание, что настоящее то и дело незаметно переходит в прошлое, то нельзя однозначно утверждать, что социолог имеет дело с первым, а историк – со вторым. Социолог не может позволить себе действовать «не в такт» с историческим моментом, тогда как специальность историка – занятия преходящим. Но «воссоздание прошлого» как основная работа историка подразумевает возврат к исходному состоянию, то есть искусство, которым, как правило, не должен владеть социолог. Социолог главным образом занят тем прошлым, которое задержалось в настоящем, войдя в его плоть и кровь. Таким образом, здесь налицо интеллектуальное разделение труда, которое, однако, ни в коем случае не может считаться абсолютным и не предполагает каких-либо логических и даже существенных методологических различий между историей и социологией. Возражения историков против «социологизации» их науки справедливы в тех случаях, когда под этим понимается наивное привнесение в исторический анализ старого «ортодоксального консенсуса» (Elton, 1967). Но подобные возражения не могут служить оправданием настойчивых попыток отстоять обособленность и четкость дисциплинарной идентичности истории, для чего к ним порой прибегают. Включение в историческую науку социологических представлений нельзя оценивать с точки зрения полемики между «институциональным» и «повествовательным» вариантом истори-

ческого метода. Вопросы, затронутые в этой полемике, столь же уместны в социологии, как и в истории, причем их изучение протекало именно в рамках первой из названных дисциплин – в ходе дискуссий, которые последовали за ниспровержением натурализма и функционализма.

Социология не станет разновидностью «всеядного» социального знания, которое поглотит политическую науку и экономику. Но нынешнее обособление социологии как исследования (неэкономической) инфраструктуры от аналитического осмысления механизмов государственного управления выглядит совершенно неприемлемым. Во-первых, если «общества» действительно являются первостепенным объектом социологического анализа (в чем я пытался усомниться), то как национальные государства они по преимуществу организованы политически. Их границы определились в ходе геополитического распределения территории, а их внутренняя целостность в большей или меньшей степени обусловлена политической властью или зависит от нее. Во-вторых, давно уже ясно всем, кроме значительной части профессиональных социологов, над которыми все еще довлеют традиции XIX в., что влияние государства и механизмов управления на прочие социальные институты по крайней мере равносильно обратному влиянию этих институтов. Тот долгий окольный путь, который пришлось преодолеть марксизму, чтобы обнаружить «относительную независимость» государства от его предполагаемого «экономического базиса», показывает, какие огромные усилия требуются для того, чтобы освободиться от мертвого груза идей, унаследованных от прошлых поколений.

Политическая наука имеет свои собственные внутренние сложности и проблемы. Она продолжает оставаться ареной борьбы между теми, кто связывает ее предмет со сравнительным эмпирическим изучением и теоретической интерпретацией различных систем управления, и их оппонентами, которые хотели бы видеть в качестве концептуального ядра своей дисциплины нормативную политическую философию. Поскольку обсуждавшиеся выше прогрессивные изменения в социальной теории подразумевают крушение честолюбивых устремлений «поведенческой политологии», которая служит моделью для первой из названных точек зрения, эти изменения способствуют сближению двух оппозиционных концепций. Сегодня все труднее становится различать между собой «политическую науку» и «политическую социологию». И если все-таки не происходит их полного отождествления, то только потому, что огромное влияние и первостепенное значение, которыми обладают политика и государственное управление во всех сферах социальной жизни, обеспечивают им ни с чем не сравнимый уровень внимания специалистов. В период изменения междисциплинарных границ социология не должна придерживаться империалистической установки в отношении политической науки. При условии, что ключевая роль политической власти в формировании современных социальных институтов носит столь явный характер, такое империалистическое соподчинение двух дисциплин легко может быть перевернуто.

Из всех проблем, связанных с дифференциацией социального знания, наиболее сложными, видимо, являются те, которые касаются отношений между социологией и экономикой. Современная экономика, по крайней мере в ее доминирующей неоклассической форме, выглядит сегодня едва ли ни самой обособленной социальной дисциплиной.

Повсеместное использование математического моделирования резко выделяет экономику из ряда остальных социальных наук, где математика еще не применяется или где более, чем в экономике, очевидна беспочвенность заверений в ее целесообразности. Претензии неоклассических экономистов на исключительность своей науки не следует рассматривать как обусловленные только институциональным отделением рынков – в капиталистической экономике – от прочих сфер социальной деятельности. Эти претензии скорее являются следствием более широкой теоретической позиции, согласно которой анализ размещения товаров и ресурсов особенно эффективен, когда его объектом становятся границы предпочтений производителей и потребителей. Такой анализ позволяет «заключить в скобки» как предпосылки, так и внеэкономические последствия этих процессов.

Хотя предпринимались попытки более широкого распространения данной точки зрения в социальном знании, ее преимущественное использование в экономике придало этой дисциплине ярко выраженную концептуальную обособленность, не свойственную в такой степени никакой другой социальной науке. Как долго продолжится это состояние «гордой изоляции» экономики, будет зависеть от того, насколько сохранит в ней свое влияние нынешняя неоклассическая точка зрения. В данный момент экономическая теория находится в состоянии растерянности, которое очень напоминает недавнее положение в социальной теории. Сейчас трудно сказать, разрешится ли эта ситуация в экономической науке крушением ее собственного «ортодоксального консенсуса». Но если это все же произойдет, вполне вероятно, что экономика повернет назад, к более «институциональным» ориентирам. Без такой внутренне обусловленной смены направления ориентации всякое *garrochement* (сближение) между социологией и экономикой (за исключением экономики марксистской, которая в этом отношении всегда стояла особняком) неизбежно будет носить более осторожный характер, чем контакты других социальных наук. Но можно не сомневаться, что разнообразие обновленных связей между двумя дисциплинами в ближайшем будущем вызовет самый живой интерес специалистов.

6. СОЦИОЛОГИ ВНОВЬ ЗАИНТЕРЕСУЮТСЯ КРУПНОМАСШТАБНЫМИ ДОЛГОВРЕМЕННЫМИ ПРОЦЕССАМИ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Одной из реакций социологии, оказавшейся в последние годы в стесненных обстоятельствах, стал поворот к скрупулезным эмпирическим исследованиям. Этот поворот можно также рассматривать как реакцию на бесперспективную, как казалось многим, разногласию теоретических позиций, соперничающих друг с другом. Если сторонники различных теоретических подходов не могут договориться даже о самых основных понятиях социального анализа, почему бы им вообще не оставить в стороне все концептуальные споры и не попытаться преуспеть в конкретном изучении социального мира? В социологии всегда наблюдалась сильно выраженная тенденция к «безмозглому эмпиризму», как презрительно охарактеризовал эту тенденцию Ч.Р.Миллс. Его критика, однако, не возымела должного действия, так что в данный

момент эта тенденция, во всяком случае в Соединенных Штатах, усилилась (Mills, 1970).

Позицию Р.Мертонa, который в своей знаменитой декларации в защиту социологических обобщений «среднего уровня» призвал своих коллег к «построению теории», по всей вероятности, надо признать более серьезной (Merton, 1963). Манифест Мертона первоначально был частью более широкого протеста социологов против претенциозных стремлений классиков к построению общих теорий социальной трансформации. Как и Миллс, Мертон скептически относился к попыткам консолидации разноплановых социальных исследований без использования теоретического мышления. Но трезвый подход требует, чтобы эмпирическая работа действительно была увязана с работой теоретической и руководствовалась надлежащей теоретической информацией. Спекулятивные идеи защитников всеохватывающих социальных теорий слишком тесно связаны с той или иной философией истории, то есть с совокупностью идей, которые, по определению, сопротивляются эмпирической проверке. В лучшем случае отсюда можно позаимствовать отдельные соображения, которые удастся свести к чему-то менее величественному. Сейчас не подлежит сомнению, что во всем этом есть немало здравых и плодотворных идей. Работы Мертона вполне правомерно были источником вдохновения для целого поколения социологов. И тем не менее я собираюсь без зазрения совести вернуть социологии ее грандиозные проблемы. В данном случае я, вероятно, особенно бесцеремонно навязываю в своих прогнозах то, что желал бы видеть реализованным в социологии будущего. Как бы ни были достойны восхищения критические положения Мертона в целом, с его стороны было ошибкой предполагать, что изучение всего крупномасштабного и долгосрочного в социальной жизни неразрывно связано с философией истории (если под последней понимать склонность к кабинетным доктринам, которые так удобно извлекаются от эмпирических деталей). Он также заблуждался, утверждая, что теории «среднего уровня» легче поддаются эмпирической проверке и потому более пригодны для возведения сложного теоретического здания профессиональной социологии, чем разработки более высокой степени общности. Недавние дискуссии в философии науки показали, что «проверяемость» теории – это нечто гораздо более сложное, чем было принято считать. Представление о том, что проверяемо лишь нечто, ограниченное в своих масштабах, несет на себе явный отпечаток эмпиризма (не в миллсовском, а, скорее, в философско-техническом значении этого термина).

Я призываю всех раз и навсегда покинуть свои кабинеты (или, по крайней мере, делать это время от времени), чтобы окунуться в действительность внешнего мира. Однако, всецело поддерживая стремление к свободе от социально-теоретических традиций прошлого века, я в данный момент хочу встать на защиту этих традиций, точнее, некоторых целей, которые они преследовали. Мы живем в мире, где с начала нынешнего столетия возросли темпы социальных изменений. Это мир, отличительной особенностью которого все явственнее становится всеохватывающая «системность». Как же мы можем питать надежду, что сумеем постичь природу и последствия всех этих феноменов, если мы сегодня пытаемся воздерживаться от всяких изображений социальных институтов, за исключением миниатюр, нарисованных тонкой кистью?

Я полагаю, что с логической точки зрения уязвимы обе позиции – как идея «построения теории», так и представление о том, что обобщение явлений социального мира (на «среднем уровне» или в любом другом виде) составляет главную задачу социологии. «Построение теории» несет с собой образ кропотливого конструирования разных пластов социологического обобщения, которые сцементированы совокупностью эмпирических наблюдений. Адекватность такого представления сомнительна даже для естественных наук. Наивно думать, что оно будет уместно в социальных науках. Отчасти это связано с традиционными трудностями социального познания (контроль за влиянием переменных, воспроизведение явлений внешнего мира и т.п.), но главная причина состоит в рефлексивном характере отношений, которые связывают социальные науки и человеческую деятельность. Обобщения, которые делает социолог-наблюдатель (кроме тех, которые касаются исключительно прошлого), если они вообще новы и интересны, могут стать достоянием непрофессиональных субъектов социального действия, что, по-видимому, изменяет исходные условия, в которых эти обобщения формулировались. Предсказуемость социальной жизни во многом не требует от наблюдателя какого-либо нового знания для своего объяснения. Эта предсказуемость есть следствие обобщений (обычно в форме само собой разумеющихся соглашений), которые применяют в своем социальном поведении его агенты. Концептуальное обновление (вкуче с эмпирическими исследованиями), по крайней мере столь же важно в социальных науках, как и формулировка новых обобщений. Ибо это обновление может содержать в себе такие «способы видения» социального мира, которые недоступны непрофессионалу. Оно позволяет увидеть скрытые возможности данного набора социальных институтов и обнаружить такие их аспекты, о существовании которых никто не подозревал.

Если сегодня мы не будем искать посильных ответов на вопрос о том, как нам лучше всего определить современность, каковы ее истоки, в чем состоят главные перемены, воздействующие на современные траектории развития мировой истории, и т.п., то социология быстро лишится значительной части своей интеллектуальной заостренности. Сказанное ни в коем случае не означает сомнений в целесообразности дальнейшего изучения массы менее внушительных проблем. Но исследования такого рода не могут автоматически превратиться в конгломерат данных, значимых для осмысления более крупных вопросов. Если идея «построения теории» является несостоятельной, вряд ли можно ожидать, что мы сумеем взобраться на растущую пирамиду обобщений «среднего уровня» в надежде в конце концов реализовать свои более честолюбивые устремления.

С учетом всего этого я убежден, что нас ждет переоценка отношений между изучением «крупных» и «малых» форм. Мертоновские обобщения «среднего уровня» имели мало общего с принятым разграничением микро- и макросоциологических исследований. Противоположность, которая, как считается, существует между ними, не означает, что они полностью разнородны. Те, кто посвятил себя изучению непосредственных контекстов социального взаимодействия, часто скептически воспринимают «реальность» более масштабных типов социальной организации и социальных изменений. Per contra, те, кто имеет дело с

более крупными формами институционального порядка, стремятся избежать «микросоциологии» как чего-то крайне тривиального. Феноменология и этнометодология сделали более рельефными недостатки обеих соперничающих позиций. Оказалось, что мелочи жизни вовсе не лишены интереса и не чужды социальных последствий. Многие характерные особенности обыденных социальных действий теснейшим образом связаны с длительными и масштабными процессами воспроизводства социальных институтов. В то же время «макроструктурные» свойства социальных систем воплощены в самых случайных и мимолетных локальных интеракциях. Здесь существует немало сложных теоретических и эмпирических проблем, которые ждут своего обсуждения. Но можно с достаточной долей уверенности утверждать, что их решение будет связано с анализом рекурсивной природы социальной жизни (Giddens, 1984, ch.5 and passim.).

7. УЧАСТИЕ СОЦИОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАКТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ПРОВЕДЕНИИ РЕФОРМ СТАНЕТ БОЛЕЕ АКТИВНЫМ

Правомерно ли подобное утверждение в тот момент, когда социология, по всей видимости, терпит полное фиаско в качестве директивно-го источника практической политики? Как я себе представляю, обсуждение этой темы включает несколько разнообразных вопросов, одни из которых довольно быстро себя изживут, решение же других окажется делом более хлопотным. Недолгим будет, вероятно, нынешнее увлечение некоторых правительственных кругов Запада вполне определенным видом экономических доктрин, постулирующих всемогущество рынка. До тех пор, пока рынок считается самым рациональным экономическим регулятором распределения ресурсов, который, к тому же, оптимален с моральной точки зрения, роль социальных исследований и социологической мысли в социальной политике будет второстепенной. Если под социальной политикой понимается преднамеренное практическое вмешательство в сложившееся положение вещей, с тем чтобы добиться желаемых перемен, то она совершенно недействительна на тех обширных пространствах социальной жизни, которые доступны игре рыночных сил.

Что касается меня, то я не верю во всемогущество рынка. Я также считаю маловероятным, что политические стратегии, исходящие из подобных доктрин, окажутся сколько-нибудь долговременными. С исчезновением таких ориентаций забудутся и те грубые, порой разрушительные предрассудки, которые они питали. Это не значит, что просто напросто вернуться прежние трактовки соотношения социологии и социальной политики. Учитывая описанные выше изменения в понимании природы самой социологии, ее отношения с политической практикой также нуждаются в серьезном переосмыслении.

Представление о систематических социальных исследованиях как о непосредственной преобразующей силе, которая сможет помочь в установлении надежного социального порядка, как бы этот порядок ни определялся (начиная с революционных сценариев марксизма и кончая более шаблонными схемами социальных улучшений), послужило одним из главных стимулов для бурного расцвета социологии и дру-

гих социальных наук после второй мировой войны. Их стремительное развитие шло рука об руку с изменением социальной роли правительственных структур, о чем свидетельствовало расширение государственного участия в сферах промышленности и социального благосостояния. Социальные исследователи, по крайней мере те, кто придерживался немарксистских позиций, надеялись, что результативные изыскания в области социологии, политологии и экономики будут содействовать более обоснованной разработке политических курсов правительства и администрации, а это, в свою очередь, будет способствовать социальному прогрессу и экономическому процветанию. Отношения между исследовательской работой и политикой трактовались чисто инструментально – первая понималась как средство действенного практического контроля в области социальной организации и социальных изменений.

На практике данный тип ориентации не слишком отличался от милсовского «безмозглого эмпиризма», поскольку упор по большей части делался на такие исследования, которые были бы привязаны к известным и строго ограниченным политическим целям. В практическом смысле суть социально-исследовательской работы сводилась к тому, чтобы дать возможность творцам практической политики лучше понять социальный мир и воздействовать на него более надежными средствами, чем те, которыми они могли бы воспользоваться в противном случае. Данная позиция не оставляла социальному исследователю сколько-нибудь значительных функций в разработке политики; эти функции сводились к обеспечению действенных средств для реализации уже сформулированных целей.

Социологические исследования, без сомнения, сыграли заметную роль в осуществлении самых разноплановых политических целей. В то же время итоги многих социально-исследовательских программ вызвали повсеместное разочарование, которое нельзя приписать исключительно росту популярности упомянутых выше «рыночных моделей». Разговоры о том, что желающие извлечь практическую пользу из научного социального исследования крайне редко находят там нужные рекомендации, давно уже стали общим местом. Социологи то и дело сталкиваются с тем, что политики в своей организационной и практической деятельности попросту игнорируют их работу или сводят ее к набору банальностей. Проведенные недавно исследования, посвященные стыковке социальных наук с целями практической политики, привели к весьма плачевным выводам. Так, анализируя научные исследования в Соединенных Штатах, Вайсс констатирует, что лишь в считанных случаях выводы, сформулированные специалистами, оказывали информационное и практическое содействие той или иной политической стратегии. «Сообщество ученых иногда было просто не в состоянии ответить на настойчивый призыв предоставить какое-либо политически значимое знание; когда же это удавалось, ответ либо запаздывал, либо был неадекватен, либо вовсе не относился к делу. Если и было что-то, что могли взять на вооружение политические деятели, они порой этого вовсе не замечали» (Weiss, 1980, p.47).

Сегодня неувязки такого рода носят, разумеется, более частный характер. Существует целое исследовательское направление – «реализационный анализ» (implementation analysis), которое занимается проблемой согласования научных изысканий с требованиями практики. Однако исследования подобного рода исходят из предположения, что

«результаты исследования» нейтральны по отношению к своей интерпретации, так что все трудности касаются исключительно практического их применения. Считается также, что окружающая среда социального действия статична, поэтому условия реализации этих результатов могут быть указаны в самой обобщенной форме. Такая расстановка акцентов будет неизбежной, пока мы не откажемся от инструменталистской трактовки соотношения исследовательской работы с целями (которую можно было бы назвать моделью контроля) и не попытаемся создать новую интерпретацию практического воплощения социологии, или модель диалога. Я бы сказал, что подобная смена моделей вполне в духе тех изменений в социальной теории, на которые я ссылался ранее. Она восстанавливает в правах фундаментальную практическую роль социального анализа, которая соответствовала прежней точке зрения.

Диалогическая модель вводит представление о том, что наиболее эффективная форма связи между социальным исследованием и практической политикой вырабатывается в процессе расширяющейся коммуникации между учеными, политиками и теми, кого затрагивают обсуждаемые вопросы. Эта модель переворачивает традиционное представление, согласно которому избранные политические цели должны определять характер проводимых исследований. Теперь же приоритет, видимо, будет принадлежать социальным исследованиям, которые опережают выработку политических целей, причем признается взаимное влияние обоих процессов. В быстро меняющемся мире непрерывная исследовательская работа помогает обнаружить те пласты социальной жизни, где концентрируются наиболее сложные практические проблемы, и одновременно предлагает научные структурные рамки для поиска их решений.

Основой диалогической модели могли бы послужить три гипотезы, каждая из которых тесно связана с переменами внутри социальной теории. Во-первых, социальные исследования нельзя просто «приложить» к некоторому объекту, который существует как независимая данность. Они должны содержать в себе потенциальную возможность убедить актеров в необходимости расширить или видоизменить те формы знаний и верований, из которых они исходят при организации контекста своих действий. То обстоятельство, что в противном случае политические мероприятия могут оказаться неэффективными, в данном случае второстепенно. Важно же здесь признание того факта, что все социальные агенты в принципе способны как постичь новое знание, полученное путем социального исследования, так и использовать его в своей деятельности. Установление контактов между социальным исследованием и практической политикой не обязательно предусматривает «идеальную речевую ситуацию», как ее понимает Хабермас. Но оно, как минимум, включает в себя не совпадающую с фактическим положением вещей оценку наиболее вероятных стратегий поведения соответствующих индивидов, которые эти индивиды избрали бы в том случае, если бы им были доступны результаты данного социального исследования. Кроме того, здесь особо подчеркивается желательность долгосрочных консультаций со стороны социальных исследователей в тех случаях, когда это возможно.

Во-вторых, необходимо еще раз подтвердить, что «опосредующая роль культурных условий» в совокупности с концептуальными нововведениями по крайней мере столь же важна для практических результа-

тов социально-исследовательской работы, как и социальные обобщения. Говоря о роли культурных условий, я имею в виду процесс передачи (посредством социального исследования) информации об одной культуре и присущих ей жизненных стилях субъектам другой культуры. Практические следствия этого «антропологического аспекта» социально-исследовательской работы нельзя недооценивать. Так как он составляет предпосылку диалогических отношений между учеными, политиками и субъектами, чье социальное поведение подлежит изучению, то с антропологическим моментом связан едва ли не самый ценный вклад, который социальное исследование может внести в разработку практической политики. Поскольку воля к изменению к лучшему предполагает «возможные миры», которые могли бы быть реализованы через программы социальных реформ, то концептуальная инновация имеет существенное значение. Новые концептуальные подходы открывают возможные сферы действия, которые ранее не были видны политикам и агентам действия.

В-третьих, надо подчеркнуть практические последствия «двойной» герменевтики. Социальная наука даже в самых отдаленных своих практических аспектах не предполагает построения таких обобщений, которые могли бы быть использованы в качестве инструмента контроля над социальным миром. Ее практические последствия связаны с постоянным обогащением ее предмета новыми теориями и понятиями, конституирующими и реконституирующими этот «предмет». Эта особенность, как никакая другая, доказывает важность диалогической модели, поскольку именно она принимает во внимание такую рефлексивность.

8. СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ БУДУТ ПО-ПРЕЖНЕМУ ИГРАТЬ ПЕРВОСТЕПЕННУЮ РОЛЬ В КАЧЕСТВЕ СТИМУЛА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ

Можно утверждать, что социальные организации и социальные движения – это два канала, с помощью которых в современном мире приводится в движение рефлексивное усвоение знания о социальной жизни. Социальные организации систематически аккумулируют и хранят социальную информацию, создавая, таким образом, стабильность условий для социального воспроизводства. Социальные движения обладают более подвижным характером и более мощным преобразующим потенциалом, так как они противостоят сложившемуся положению вещей и специфическим образом сопряжены с реализацией новых социальных проектов. Если социальные движения и не всегда оказываются предвестниками провозглашаемого ими будущего, то они, в любом случае, приносят элемент беспокойства в настоящее. Следовательно, как я уже говорил, социальные движения – это не только источник напряжения и социальных перемен, которые должны анализировать социологи; они способны указать на те особенности и скрытые возможности данного институционального порядка, которые не были известны прежде. Различные социальные движения, в особенности рабочее, политическое и религиозное, традиционно играли заметную роль в социологическом дискурсе. Но один из мощнейших стимулов нынешней социологической рефлексии составляют социальные движения, которые не обязательно имеют новейшее происхождение и тем не

менее крайне важны в текущий период истории. Как я уже подчеркивал выше, это – экологическое движение, женское движение и движение за мир.

Экологическое движение и движение за мир привлекают наше внимание к таким измерениям современности, которые, по всей видимости, так и не получили должного освещения в социологии. Дебаты по поводу капитализма и индустриализма как главных факторов формирования современности до недавнего времени не касались проблемы разрушительных последствий для среды, которые могут повлечь за собой современные системы производства. Поставленные перед необходимостью изучить степень распространения этих губительных результатов, социологи открывают для себя сегодня целый спектр профессионально интересных вопросов. В тот момент, когда мы должны решить, могут ли вообще далее существовать те способы социального и экономического развития, которые функционируют уже более двух столетий, – в этот самый момент мы оказываемся вынуждены подвергнуть повторному рассмотрению ныне действующие социальные институты. Так, социологические объяснения труда и безработицы испытали на себе чрезмерное влияние принятых экономических дефиниций. Последние же не признают никаких форм неоплачиваемого труда или способов организации труда оплачиваемого, помимо тех, что подразумевают полную занятость. Экологические движения помогли нам почувствовать все разнообразие нюансов в отношениях человека и природы, которое в противном случае так и осталось бы незамеченным. С учетом этих известных теперь нюансов, мы должны еще раз проанализировать характерные признаки той окружающей среды, которую мы сами создали.

Движение за мир – это оборотная сторона процесса индустриализации войны. Делая достоянием общественного сознания потенциальные опустошительные последствия гонки вооружений, оно способствует ясному пониманию того факта, что социологи не могут далее игнорировать проблему военной власти как одного из параметров современности. Движение за мир сегодня существенно влияет как на природу военной власти, так и на характер ее распределения, поэтому оно само по себе составляет достойный объект социологического анализа. Насколько это движение способно достичь своих ограниченных или более грандиозных целей; в какой мере сохранение «мира» в обозримом будущем будет зависеть от стабильного баланса развертывания вооруженных сил сверхдержавами – эти вопросы не могут не быть интересны для социолога. Еще менее вероятно, что их не заинтересует тема, которая является первостепенной с точки зрения нашего будущего: сможет ли человечество пережить такой период своей истории, когда оно, по-видимому, станет свидетелем дальнейшей эскалации гонки вооружений?

Несмотря на то что вопросы, которые акцентирует женское движение, имеют не столь драматические последствия, переосмысление, которого оно требует от социальных наук, не менее глубоко. Истоки господства мужчины над женщиной, разумеется, не следует искать в современности, хотя существуют специфически современные формы выражения этого господства. Поскольку половая асимметрия власти так глубоко укоренилась исторически и во всех культурах, то попытки ее уничтожения неизбежно должны вызвать яростное сопротивление.

Практические успехи женского движения в ослаблении неравенства также можно отделить от той тематики, которая обязана этому движению своим появлением на переднем плане социологических дискуссий. Мы еще раз вынуждены признать одновременное возникновение двух феноменов – новой области социальных исследований и новых интеллектуальных вызовов. Сегодня большинство социологических программ включает в качестве обязательной своей части так называемые «женские исследования», хотя, конечно, исследования подобного рода не ограничиваются рамками этих программ. Не меньший интерес представляет и интеллектуальный вызов женского движения ортодоксальным позициям в социологии. Каким образом следует интерпретировать феномен пола в социологической точке зрения? Как именно можно и нужно связывать между собой такие понятия, как пол и социальный класс? В какой мере социальное исследование было бездумно обращено к мужскому опыту? Эти и близкие им вопросы до сих пор не нашли сколько-нибудь удовлетворительного ответа, и мы вправе ожидать, что они приобретут особую важность в ходе будущего развития социологии.

Своими наблюдениями я вовсе не хочу доказать, что другие типы социальных движений уже не представляют интерес. Социальные движения – это способ выражения концентрированного конфликта, и, как совершенно очевидно для всех, традиционные «места дислокации» конфликтов не исчезли. Даже самым ярким сторонникам марксизма стало ясно, что рабочее движение не будет играть той всемирно-исторической роли, которую приписывал ему Маркс. Но при этом нельзя отрицать, что рабочее движение значительно изменило прежние типы капиталистического развития, и что производственный конфликт, по всей вероятности, носит в индустриально развитых странах более или менее хронический характер. Вопреки мнению некоторых исследователей, я не убежден, что на смену рабочему движению как определенному типу структурированных методов борьбы постепенно приходят «новые» формы социальных движений. Более того, те их типы, которые как будто считаются «традиционными», могут дать пищу социологическому уму. Примером может послужить факт «исламской революции», который оказался совершенно неожиданным для нашей дисциплины, где доминирует идея секуляризации.

9. СОЦИОЛОГИЯ ПО-ПРЕЖНЕМУ ОСТАНЕТСЯ ПРЕДМЕТОМ ДИСКУССИЙ

Дискуссионность социологии я понимаю двояко. Прежде всего это значит, что в пределах дисциплины социологии мы не достигнем желанной цели – консенсуса относительно теории и интерпретации результатов исследования. Но дисциплина, кроме того, сохранит и внешних своих оппонентов, и недоброжелателей. Первое я уже постарался объяснить. Но будут ли ее по-прежнему оспаривать извне? В каком-то смысле я надеюсь (и думаю), что нет; в другом смысле я думаю (и надеюсь), что да. В последнее время социологи не пользовались особой популярностью, что до некоторой степени было вызвано недовольством социальными исследованиями. Как я уже говорил, я не верю, что это продлится долго. Но существует и другой вид постоянной непопуляр-

ности социологии, который, как это ни парадоксально, мы должны постараться сохранить. Это недовольство теми, кто не боится обнародовать малопрятные истины или отстаивать такое понимание существующего положения вещей, которое противоречит мнению власти держащих. Ведь недаром социологическая дисциплина так слабо развита в Советском Союзе.

ЛИТЕРАТУРА

- Вебер М.** Протестантская этика и дух капитализма. В: М.Вебер. Избранные произведения. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990, с.61–272.
- Левин-Строс К.** Структурная антропология. Пер. с фр. М.: Наука, 1983.
- Фейерабенд П.** Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания [1975]. В: П. Фейерабенд. Избранные труды по методологии науки. Пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1986, с.125–466.
- Braudel F.** La Mediterranee et le monde mediterraneen a l'epoque de Philippe II. 2 vols. Paris: A.Colin, 1949, 1969.
- Elton G.R.** The Practice of History. London, 1967.
- Foucault M.** Discipline and Punish. London, 1977.
- Giddens A.** The Constitution of Society. Cambridge, 1984.
- Giddens A.** The Nation-State and Violence. Cambridge: Polity Press, 1985.
- Keohane R.** After Hegemony. Princeton, 1984.
- Merton R.K.** Social Theory and Social Structure. Glencoe, Ill., 1963.
- Mills C.W.** The Sociological Imagination. Harmondsworth, 1970.
- Toynbee A.** The Present-Day Experiment in Western Civilization. Oxford, 1962.
- Wallerstein I.** The Capitalist World Economy. Cambridge, 1979.
- Weiss C.H.** Social Science Research and Decision-Making. New York, 1980.